

Персидская сказка: Ярдан Кули-бек

Рассказывают, что как-то ночью шах Аббас надел, по своему обыкновению, дервишское рубище, взял в руки кашкул и посох и отправился по улицам и базарам Исфагана посмотреть, чем занимаются его подданные.

Прошел он по улицам, походил по переулкам и решил: слава Аллаху, все в порядке — все люди спокойны, сыты, не знают ни горя ни печали. Он возблагодарил Бога и двинулся к шахскому майдану, что примыкал к Али-Капу. Тут он заметил, что из щели под дверью одного дома поблескивает свет и раздаются приглушенные звуки бубна. Шах Аббас постучался в дверь.

— Кто это? — спрашивает хозяин.

— Дервиш.

— Милости прошу, любимец Бога, — раздалось изнутри. — Добро пожаловать, принеси счастье в этот дом!

Шах Аббас вошел в дом, увидел: тесная комната, на полке горит лампа, на полу сидит слепая женщина и напевает вполголоса, а поодаль стоит. глиняная миска с горошком и изюмом.

— Дервиш, — начал хозяин дома, — повеселись вместе с нами! Послушай, как поет эта женщина, полакомься этим горошком и изюмом.

И тут он стал бить в жестяной поднос, как в бубен, и это доставляло ему большое удовольствие.

Шах Аббас говорит:

— О муж! Объясни мне, кто ты такой? Чем занимаешься?

— Любимец Бога, — ответил хозяин, — я холодный сапожник, работяга. Утром я отправляюсь в лавку у Харун-Велат, там я латаю и чиню обувь рабов божьих. Что бы мне ни дали за это — я беру с улыбкой и довольный говорю: «Аллах не обидит». В день я зарабатываю два-три пахнабада, а вечером покупаю хлеб, брынзу, горошек с изюмом, возвращаюсь к себе и зову эту женщину, чтобы она пела мне. Словом, я ни на что не жалуюсь, так потихоньку и тяну свою лямку. Вот уже несколько лет я занимаюсь этим делом и зарабатываю тем, что чиню людям обувь. Все, что заработаю, я проедаю, ничего не откладываю, и каждую ночь — хоть провались небо и земля — мы должны повеселиться.

— Хорошо, — сказал ему дервиш, — а если завтра шах Аббас запретит ремесло холодного сапожника, чем ты займешься? Как ты заработаешь денег на веселье?

— Во-первых, шах Аббас никогда не сделает этого. А если и сделает, то Аллах велик, и мы все равно будем веселиться.

Шах Аббас взял из своего кашкула плову, поел немного горошка с изюмом, простился с хозяином, прочитал молитву и вышел из дому.

А утром он первым делом запретил ремесло холодного сапожника и особо велел присмотреть, чтобы закрыли лавку его вчерашнего хозяина.

И вот сапожник остался без дела. Он сказал себе: «Да будет проклята твоя догадка, дервиш, ибо она исполнилась. Шах Аббас запретил ремесло, которым я занимаюсь десять, нет — пятнадцать лет. Ну да ничего, если человек сметлив и не ленив — он не останется без дела. Как бы там ни было, надо найти работу».

Он тут же продал инструмент сапожника, купил добротный бурдюк и стал водоносом. Не то семь, не то восемь раз он принес воду для кофейни и пекарни и заработал в два-три раза больше, чем прежде. А вечером устроил веселье пуще прежнего.

Ночью шах Аббас снова надел дервишское одеяние и подумал: «Пойду-ка посмотрю, что происходит в городе. Заодно загляну и ко вчерашнему знакомому».

Шах Аббас ходил, ходил по городу и остановился на той самой улице. Он решил, что бедняге сапожнику не до веселья, ведь впервые за десять — пятнадцать лет жизнь его омрачилась.

Когда до дома сапожника осталось три-четыре шага, Аббас услышал шум веселья, который раздавался громче вчерашнего. Он закричал:

— Хозяин, примешь гостя?

— Во имя Аллаха, войди, — ответил сапожник. — Кто ты?

— Дервиш.

— Эх, любимец Бога, — ответил сапожник, — ты предсказываешь беду! Твои слова сбылись. Сегодня утром отправился было я в свою лавку и хотел с именем Аллаха взяться за дело, как вдруг явились нукеры шаха Аббаса и сказали: «По указу шаха Аббаса ремесло холодного сапожника запрещено». И меня лишили ремесла моих предков.

Дервиш говорит:

— Хоть ты и остался без заработка, но веселье — в полном разгаре! Что же ты сделал? Где раздобыл денег?

— Дервиш, — ответил сапожник, — ведь рабочий человек не пропадет. Я продал инструмент сапожника, купил бурдюк, взвалил его на плечи и заработал в два-три раза больше прежнего. И вот взамен слепой певицы я пригласил другую — она, видишь, поет лучше. В квартале Джуйбаре я купил бубен, он заменил мне поднос. А вместо горошка с изюмом я купил пахлаву* и конфеты. Веселись, дервиш, — благородный муж не падает духом! Мне здорово повезло! Если бы я знал, то с самого начала стал бы водоносом. Жаль, что я так поздно узнал это! Как бы там ни было, теперь я буду носить воду и зарабатывать на жизнь.

Видит дервиш, правду он говорит: вместо слепой женщины поет зрячая певица, сам хозяин ударяет в бубен вместо подноса, а для угощения поставлены пахлава и конфеты.

— Ну ладно, сапожник, — сказал ему дервиш, — а если завтра вздумает вдруг шах Аббас запретить ремесло водоноса, чем ты тогда будешь заниматься?

— Прошу тебя именем Бога, дервиш, — отвечает хозяин, — не предсказывай дурного! Что ж, во-первых, я перестану носить воду, во-вторых, как я уже говорил тебе, хоть из-под земли да раздобуду деньги и буду веселиться. Но ради бога, прошу тебя, не говори так!

— Это я так, к слову, — успокоил его дервиш.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

— Ты и к слову не говори!

В душе шах Аббас был доволен: слава богу, думал он, мои подданные живут неплохо, веселятся. Однако ему хотелось испытать сапожника, запретить и новое его ремесло. Взял он плова из своего кашкула, они поели вдвоем, шах Аббас съел одну конфету и ломтик пахлавы, прочитал молитву и ушел.

На другое утро он первым делом запретил ремесло водоноса и приказал особо следить за сапожником.

Не успел сапожник выйти на шахский майдан, как видит, что хватают водоносов и кричат:

— По велению шаха Аббаса в Исфагане запрещено продавать воду!

— Эх, зловещий дервиш, — сказал сапожник, — что ж ты предсказал? Ты обратил мой хлеб в известь, а мою пряжу — в хлопок!

Но потом он решил: не надо сдаваться, можно еще что-нибудь придумать!

Взял сапожник палку с серебряным набалдашником, надел джуббу наизнанку, чтобы отличаться одеждой от других людей, сдвинул шапку набекрень, подкрутил усы и пошел по улицам. Он решил выдавать себя за шахского стражника и обманывать людей. Сказал он себе: «Я буду пугать мелких торговцев и лоточников и кричать: „Здесь нельзя торговать, там тоже нельзя, уходите отсюда!“ А у каждого из них есть семья, жена и дети, и они будут вынуждены задобрить меня, чтобы я оставил их в покое».

Но потом поразмыслил сапожник и говорит: «Нет, это не годится! Они тогда не смогут арендовать лавки, а если лишить их мелкой торговли, то они станут или давать взятки, или воровать, или попрошайничать. И выйдет так, что по моей вине увеличатся взяточничество, воровство и попрошайничество. Что же делать?»

Думал он, думал и наконец решил: «Буду-ка я штрафовать под видом шахского стражника жителей, выбрасывающих на улицу мусор или выливающих в арыки помои. И доброе дело сделаю, и себе на хлеб заработаю!»

Пошел он бродить по глухим переулкам, а сам смотрит: как заметит, что кто-нибудь высыпал мусор или вылил помои, сразу же хватает его за шиворот и кричит:

— Зачем ты выливаешь на улицу помои, такой-сякой? Живо пойдем к шаху Аббасу!

А люди пугались его странного вида, да к тому же он еще говорил от имени шаха Аббаса. Все принимались его умолять и упрашивать, давали ему несколько пахнабадов, чтобы он только оставил их в покое и не водил к шаху Аббасу. Если же один из ста и набирался храбрости спросить: «А ты кто такой?» — он отвечал:

— Кто я такой? Я — фарраш, фарраш-баши шаха Аббаса!

И тогда человек начинал извиняться и прославлять шаха:

— Какой он заботливый! Он так радуется о подданных, что даже следит за чистотой улиц!

Но вернемся к йсазке. До вечера сапожник раздобыл таким способом три-четыре тумана, а вечером задал целый пир. Купил сластей, напитков, приготовил шашлык, пригласил музыканта, певца и танцовщика.

Настала ночь, и вновь шах Аббас вышел в город. Покончил он со своими делами и отправился к дому сапожника. Слышит, что там пируют и веселятся, остановился перед дверью и закричал:

— Хозяин, гостя не примешь?

— Во имя Аллаха, входи, сделай милость!

Вошел шах Аббас. Хозяин узнал его и говорит:

— Любимец Бога, как ты предсказал, так и приключилось. Не успел я утром приступить к делу, как на улицы высыпали фарраши с криками: «Шах Аббас запретил продавать воду». Ну да мне теряться не к лицу, надо зарабатывать на жизнь. И стал я выдавать себя за фарраш-баши шаха Аббаса и обманывать людей. И вот благодаря слепоте и темноте людей я сегодня пирую и веселюсь пуще прежнего, так как раздобыл много денег. Но я уж все израсходовал — ведь я не печальной жизни просил у Бога! Слава Аллаху, до сих пор все было хорошо! Все, что я зарабатывал днем, я проедал ночью. И теперь, видишь, я не без дела. А тебя попрошу, сделай милость, не предсказывай дурного!

Дервиш ему в ответ:

— А если ты схватишь кого-нибудь за шиворот, а он возьмет да и согласится пойти с тобой к шаху Аббасу, что тогда ты будешь делать?

— Это невозможно, — ответил хозяин.

Прошла ночь, утром шах Аббас велел нескольким дюжим фаррашам переодеться и приказал:

— Идите и, как увидите этого сапожника, начинайте выбрасывать мусор. Если он будет угрожать вам и потребует идти к шаху, то соглашайтесь.

Они так и поступили. Высыпали на улицу мусор, подскочил сапожник и стал кричать:

— Почему вы выбрасываете мусор на улицу? Живо идем к шаху Аббасу!

— Пошли, — отвечают те.

Видит сапожник, что зловещее предсказание дервиша сбылось и на этот раз. Двинулись они в путь. По дороге сапожник и так и сяк старался помириться, но фарраши не дали ему это сделать. У Али-Капу видит сапожник, что они не желают отступать, и говорит:

— На этот раз я прощаю вас, но больше не делайте этого!

— Нет, мы всегда будем выбрасывать мусор!

— Ну что ж, идите восвояси, — ответил сапожник.

— Нет, не пойдем!

Сапожник сам хотел было улизнуть, но его не пустили и повели к шаху Аббасу.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

— Дружище, как тебя звать? — спросил его шах.

Сапожник хотел ответить: «Курба, Кули-бек», но язык у него заплетался, и он пробормотал:

— Ярдан Кули-бек.

Шах Аббас засмеялся и ответил:

— Коли хочешь быть фаррашем, то будь им в моих покоях. До самого вечера сиди здесь!

По обычаям того времени ему дали саблю в драгоценных ножнах, и он повесил ее на пояс. Шах Аббас до самого захода солнца не отпускал его, чтобы он ничего не смог заработать, а вечером сказал:

— Теперь ступай, а завтра утром явись на службу. Жалованье же получишь в конце месяца.

Сапожник вышел из дворца и стал размышлять: «Этой ночью мой пир под угрозой». Подумал, подумал, да и продал за десять туманов клинок сабли, а взамен его заказал столяру деревянный. А сам стал готовиться к пиршеству: пригласил музыкантов и шутов, купил всякие яства.

А шах Аббас был уверен, что этой ночью сапожник не сможет пировать. Подошел он к его дому и вдруг слышит: на всю улицу раздается шум пиршества. Шах Аббас подумал: «Ведь у него же ничего не было?»

Вошел он внутрь, а Ярдан Кули-бек воскликнул:

— Как ты сказал, так и случилось!

— На что же ты закатил такой пир? — удивился дервиш.

И Ярдан Кули-бек рассказал ему обо всем. Тогда дервиш спросил:

— А если завтра шах Аббас прикажет тебе обнажить меч и отрубить голову разбойнику, как ты вывернешься?

— Опять ты за свое! У шаха есть на то палач.

И вот прошла ночь, настало утро, и сапожник отправился во дворец, на службу к шаху Аббасу. Шах велел ввести преступника, а потом приказал:

— Ярдан Кули! Отруби ему голову.

Побледнел Ярдан Кули, но не растерялся и ответил:

— Да буду я жертвой за тебя, не убивай этого невинного человека!

— Нет, он виновен, отруби ему голову!

— Да буду я жертвой за тебя, — умолял Ярдан Кули. — Я человек богобоязненный, не стану я убивать невинного!

— Я приказываю тебе! — закричал шах Аббас.

— Ты-то приказываешь, но и я свои обязанности знаю, — возразил сапожник.

Шах настаивал, а Ярдан Кули увивал. Только видит он — не отстанет шах, поднял голову и взмолился:

— О Боже, ты знаешь своих рабов. Этот муж, я уверен, невиновен. Если он виновен — то пусть погибнет, а если нет — преврати мой меч в деревянный. О Аллах!

С этими словами он выхватил саблю и сказал:

— Да буду я жертвой за тебя! Видишь, я верно угадал: он невиновен.

Засмеялся шах Аббас и рассказал, как все было. Он сделал сапожнику драгоценные подарки и отпустил его домой.